

будет подобраться к тайне и традиции игнорирования психологами работ Г. Г. Шпета.

Весь приведенный выше заочный диалог о личности, о Я, об их «предметности», «вещности» (лучше бы — вечности) преследовал, помимо познавательной, определенную прагматическую цель. Диалог нужно рассматривать как своего рода обращение к психологам, к их личной ответственности. Итак, личность, как чудо, как миф, как единственность, не нуждается в экстенсивном раскрытии. М. М. Бахтин резонно заметил, что она может выявить себя в жесте, в слове, в поступке (а может и утаить). Следует задуматься над тем, не прав ли был А. А. Ухтомский, говоря, что личность — это состояние, хотелось бы добавить — состояние духа и души, а не почетное пожизненное звание. Она ведь может потерять лицо, исказить свой лик, уронить свое человеческое достоинство, которое усилием берется. А. А. Ухтомскому вторил Н. А. Бернштейн, говоря, что личность — это верховный синтез поведения. Подчеркну — верховный! Ведь наше поведение далеко не всегда осуществляется на верхнем «до». Можно сказать, что в личности достигается интеграция, слияние, гармония внешнего и внутреннего. А там, где гармония, психология умолкает.

Приведенные высказывания — это прививка против обыденного толкования понятия личность, упражнений в изображении ее структуры, бездумного тестирования, заочного определения и претензий на ее формирование. Может быть, есть смысл задуматься над тем, что свобода и неприкосновенность личности включает в себя также свободу от вторжения в ее мир педагогов и психологов. Русское слово «личность» — не калька с английского «personality». Лицо и персоне — это не одно и то же. Этимологически персоне — это маска. А. Ф. Лосев связывал происхождение слова «личность» с ликом, а не с личиной.

Слово о Сергее Леонидовиче Рубинштейне

Есть не так много положительных вещей, которыми российская наука, в частности психология, обязана революции 1917 года. Одна из них — приход С. Л. Рубинштейна в психологию. Профессиональный философ, получивший образование в Марбургском университете и занимавшийся этикой, после революции стал психологом. Он быстро сообразил, что в Советском Союзе этика исчезла как реальность, и деформировалась как философская проблема. Она заменилась «классовым интересом». Впрочем, сам Сергей Леонидович сохранял и то и другое. О проблемах этики он писал «в стол». Спасибо его ученикам — К. А. Абульхановой-Славской и А. В. Брушлинскому, — что они опубликовали его размышления об этике.

С. Л. Рубинштейн нашел новую сферу приложения сил, обратившись к психологии, где сразу стал заметной фигурой (аналогична судьба другого профессионального философа — П. П. Блонского). В апреле 1958 года после сорока лет работы в психологии в подготовительных фрагментах к своей последней неоконченной книге «Человек и мир», он писал: «Юмор в последнее время все более распространяется на всю мою судьбу, на все противоречия, несоответствия с ней. По призванию, по складу мысли я философ и притом философ, сердцу которого особенно близки не только теория познания, но особенно этика, а официально я — психолог. Отсюда юмористический аспект моего отношения к моей специальности («в психологии я случайный человек»)¹. Сегодня без трудов этого «случайного» человека психология не представима. К нашему стыду, вынужден признать, что его «Основы общей психологии» (1940) не только лучший, но и единственный полноценный университетский учебник. Столь же уникальны его книги по философской психологии: «Бытие и сознание», «Человек и мир».

¹ Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки, воспоминания, материалы. К 100-летию со дня рождения. М., 1989. С. 421.

Начну с замечательного, поразившего меня эпизода. В 1954–1956 годах я был аспирантом НИИ психологии АПН РСФСР, а «по совместительству» — секретарем комсомольской организации этого института. И в этой моей должности беспартийный директор института А. А. Смирнов был вынужден иногда принимать меня. Я старался не докучать ему, но приходилось... Однажды я встал в очередь на прием. Дело происходило в узеньком коридорчике, так как приемной скромный Анатолий Александрович не имел. В очереди стояли солидные сотрудники института и среди них — ворчливый и вечно недовольный (мне почему-то кажется, что это была игра) Николай Дмитриевич Левитов. Он был не в духе. Не помню, то ли он сам, то ли кто-то из ожидавших вспомнил сюжет Марка Твена о том, кем могли бы быть те или иные люди, если бы их жизнь сложилась счастливо. Н. Д. Левитов стал охотно развивать этот сюжет применительно к самым известным психологам, многие из которых работали в то время в институте. Оценки были нелицеприятные, порой жестокие, но очень точные. Перечислю те, что помню, но воздержусь от персонификации, дед пасечник, архивариус, кардинал, отец дьякон, генерал, биржевой маклер... Кто-то спросил: а есть кто-нибудь, кто при счастливом стечении обстоятельств все же был бы психологом? Н. Д. Левитов задумался и ответил, что есть, — это Сергей Леонидович Рубинштейн, и после некоторой паузы добавил, что видит его только профессором психологии и философии. Не уверен, что Н. Д. Левитов знал, что С. Л. Рубинштейн получил образование по философии в Марбурге. Тогда афишировать подобное было не принято.

Нужно ли говорить, что для меня это был замечательный урок даже не по психологии, а по человекознанию. С какими-то оценками я согласился сразу, в справедливости других убедился многие годы спустя, с какими-то мог бы поспорить и сегодня. Но оценка С. Л. Рубинштейна была абсолютно точной. Он остался у меня в памяти как классический университетский профессор старого закала. Очень внимательный к студентам и очень щедрый. Мы жили скудно, и некоторые студенты осмеливались обращаться к нему за помощью. Он не только не отказывал, но и говорил, что возвращать деньги не нужно.

Мое поколение было леонтьевским, а не рубинштейновским. Поколения тогда различались по этому признаку в зависимости от того, кто читал двухлетний курс «Общей психологии». Сергей Леонидович читал нам лишь небольшой курс по проблемам мышления. Его содержание, конечно, вымылось из памяти, но образ и облик академического и вместе с тем увлеченного профессора

остался. Осталось впечатление и от эрудиции, которая, казалось, не знает границ.

Очень жаль, что Сергей Леонидович — создатель отделения психологии на философском факультете — был уволен из Московского университета и многие поколения студентов были лишены удовольствия его слушать. Постыдная стенограмма с обсуждением его «заблуждений» была опубликована в «Вопросах психологии» (1989. № 4, 5). Впрочем, быть уволенным из МГУ не стыдно. Знаю это на собственном опыте, правда, меня уволили без обсуждения, просто и со вкусом — по телефону. Досада, конечно, была, но я нахожусь в хорошей компании с С. Л. Рубинштейном, Н. А. Бернштейном, Вяч. Вс. Ивановым, М. К. Мамардашвили и др.

В глубине и эрудиции С. Л. Рубинштейна может и сегодня убедиться всякий, кто возьмет на себя труд прочесть его «Основы общей психологии». Когда Институт «Открытое общество» (Фонд Дж. Сороса) доверил мне заказать новое поколение учебников по психологии, я назвал около 30 авторов. Среди них: Г. М. Андреева, Б. С. Братусь, А. И. Донцов, В. П. Зинченко, В. М. Мунипов, В. С. Мухина, А. В. Петровский, В. Д. Шадриков, М. Г. Ярошевский. На резонный вопрос, почему так много, я ответил, что если бы был жив С. Л. Рубинштейн, я назвал бы его одного. Сейчас, когда почти все заказанные книги изданы, могу сказать, что, отвечая так, я не ошибался. С. Л. Рубинштейн своим учебником расплатился и за свое немецкое университетское образование. В Германии его издавали десять или более раз. Замечательные для тех лет свойства учебника — минимальная (по тем меркам) идеологизированность и полное отсутствие политизированности. Еще одно достоинство состоит в том, что автор скрупулезно собирал все ценное и интересное в области психологии из того, что делалось в нашей огромной, но совсем «не психологической» стране. Это сегодня, почти как в советской песне, «у нас психологом становится любой».

Мой отец, П. И. Зинченко до конца дней своих сохранял пietet и признательность Сергею Леонидовичу. Он был и удивлен, и обрадован тем, что его первая серьезная публикация в вузовских «Научных записках» спустя год с небольшим нашла отражение в фундаментальном учебнике. Не мог забыть отец и того, что Сергей Леонидович во время войны, в 1943–1944 годах, будучи короткое время директором Института психологии, делал все возможное и невозможное, чтобы демобилизовать доцента психологии П. И. Зинченко из действующей армии. Это не удалось, но порыв был, и он тем более ценен, что Сергей Леонидович хлопотал за

представителя другой, уже тогда конкурирующей школы А. Н. Леонтьева.

Вернусь в студенческие годы. Мне посчастливилось общаться с Сергеем Леонидовичем по поводу моей курсовой работы, руководителем которой он был. Сочинение, как я теперь понимаю, было вполне примитивным. Оно каким-то чудом у меня сохранилось, хотя давно исчезли обе мои диссертации. Я о другом. Консультации проходили у него дома, и меня потрясла его библиотека, в основном, немецкой психологической и философской литературы (где она сейчас?). Такого богатства я не видел ни у А. Р. Лурии, ни у А. Н. Леонтьева. Я о ней вспоминал, когда мне доводилось быть на кафедрах психологии Вильнюсского университета, Берлинского университета и в лаборатории В. Вундта в Лейпциге. И вновь впечатление от его доброты, душевной щедрости. Ни тени снисходительности, хотя повод для нее, несомненно, был. Он — одесит — без улыбки читал мои полудетским почерком написанные рассуждения о том, что думал И. М. Сеченов о памяти.

Сергей Леонидович привнес в психологию культуру мысли, характерную для философии и философской психологии. Последняя ведь никогда не исчезала, когда психология «отпочковалась» или «отщепилась» от философии.

Важное место в творчестве С. Л. Рубинштейна занимали не только проблемы деятельности и сознания, но и проблема человеческого действия. Отсюда, между прочим, его огромное уважение и интерес к трудам Н. А. Бернштейна. Вообще, на мой взгляд, его размышления о действии много интересней и продуктивней размышлений о деятельности. В первых чувствуется нечто интимное, по-настоящему его задевающее; в последних — нечто служебное, марксистское, формальное, хотя, конечно, не идеологическое, а научное и тоже интересное. Он, если можно так выразиться, был думающим, понимающим, интеллигентным марксистом. Многие мои друзья-философы, слушавшие его лекции, работавшие рядом с ним в Институте философии АН СССР, отдавали ему должное и благодаря его трудам психологизировали свои работы в области теории познания.

С. Л. Рубинштейну был чужд «ленинизм до исступления», как выразился рекомендовавший его в члены Академии наук СССР А. А. Ухтомский. Следуя марксизму (возможно, добровольно-принудительно), С. Л. Рубинштейн никогда не прерывал работы понимания. Отталкиваясь от марксизма, он почти оттолкнул его от себя. Думаю, что он это сделал также и по этическим соображениям. Согласно позднему С. Л. Рубинштейну, принятие и следование марксистской формуле о сущности человека как совокупности всех

(?!) общественных отношений разрушает природное в человеке, его природные связи с миром, и тем самым то содержание его духовной и душевной жизни, которое определяет его субъективное отношение, отражающее эту его природную связь с людьми². А ведь и в самом деле разрушает, в чем все больше и больше убеждаются многие люди, а не только ученые. В другом месте С. Л. Рубинштейн, приводя эту Марксову формулу, поместил рядом другое положение К. Маркса, существенно ограничивающее, если не опровергающее ее. Оно состоит в том, что сущность общественных отношений складывается из индивидуальных сущностей.

Я уже как-то писал, что С. Л. Рубинштейн — это целый мир, и не теряю надежды в него погрузиться. Уверен, что это будет очень увлекательным путешествием. Выражаясь словами самого С. Л. Рубинштейна, в памяти ряда поколений он останется как «педагог в большом стиле».

Пожалуй, относительно нашей историографии, связанной с научным наследием С. Л. Рубинштейна, выскажу одно соображение. Его интеллектуальное движение не следует ограничивать обращением к категории деятельности и созданием одной из версий деятельностного подхода. Не ограничено оно также его взглядами, кстати, менявшимися с течением лет, на соотношение или соподчинение внешнего и внутреннего в человеческой жизни. На самом деле, важна ведь не эта странная, чтобы не сказать комичная, оппозиция: внешнее через внутреннее или внутреннее через внешнее. Бывает всякое. Значительно существеннее соотношение суггестивных сил внешнего и сопротивляемость внутреннего давлению первых. Подобная сопротивляемость характеризует силу духа, которой С. Л. Рубинштейн обладал в полной мере. Надеюсь, убедить в этом читателя.

Остановлюсь на одном эпизоде, который случился во время Великой отечественной войны. Речь идет об избрании С. Л. Рубинштейна членом-корреспондентом Академии наук СССР. В то время, как и многие годы спустя, выдвижение ученого в Академию должно было быть согласовано и одобрено ЦК ВКП(б). Туда обратилась группа ведущих психологов страны — профессора Московского государственного университета А. Н. Леонтьев, Б. М. Теплов, А. А. Смирнов, Г. Х. Кекчеев и профессор Центрального института офтальмологии С. В. Кравков. Привожу полный текст письма³:

² Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М., 1997. С. 104.

³ Я благодарен своему школьному другу Ю. И. Кривоносову, работающему в Институте истории естествознания и техники РАН РФ, обнаружившему в Архиве ЦК КПСС это письмо и передавшему его мне.

Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Маленкову

За 25 лет своего существования советская психология прошла большой путь развития, богатый теоретическими и экспериментальными исследованиями. Она превратилась в передовую советскую науку. Отразившая состояние советской психологии книга проф. С. Л. Рубинштейна была удостоена высокой оценки — она получила Сталинскую премию.

Психология приобретает все возрастающее значение для различных областей практики. Во время Великой отечественной войны психология успешно включилась в работу на помощь фронту — по выполнению ряда оборонных заданий, связанных с разведкой и маскировкой, с противовоздушной обороной, с обучением летных кадров и кадров военно-морского флота, по восстановлению трудоспособности и боеспособности раненых бойцов.

В условиях борьбы с фашизмом вопросы психологии, связанные с изучением сознания, мотивов поведения человека, путями формирования личности приобретают все более острое идеологическое значение. В послевоенный период значение психологии несомненно еще более возрастет.

Психология вводится сейчас в преподавание: она вводится в качестве учебного предмета в среднюю школу, соответственно расширяется и преподавание психологии в ВУЗах (отделение психологии и логики в Университетах, психология в педагогических институтах).

Основываясь на марксо-ленинской философии, советская психология тесно связана с рядом других смежных наук — с передовым советским естествознанием, языкознанием, с психопатологией и т. п. Однако, до настоящего времени психология вовсе не представлена в Академии наук и таким образом до сих пор не входит в общую систему научного планирования, координации и руководства, осуществляемых Академией.

Мы считаем такое положение неправильным. Мы полагаем, что в целях дальнейшего плодотворного развития советской психологии ее изоляция в этом отношении должна быть прекращена. Поэтому мы просим Вас поддержать наше ходатайство перед Президиумом Академии и Бюро отделения истории и философии об организации в системе Академии наук группы по психологии, путем привлечения наиболее видных специалистов и об оформлении ее в качестве одного из постоянных, органических звеньев работы отделения, а также нашу просьбу учесть в связи с этим принципиальное значение выдвинутой рядом научных учреждений Советского Союза кандидатуры в члены-корреспонденты Академии наук СССР директора Института психологии Московского Университета профессора С. Л. Рубинштей-

на, который является ведущим представителем психологической (так в тексте — В. З.)⁴ науки.

Подписи

/Профессора: А. Н. Леонтьев, Б. М. Теплов, Г. Х. Кекчеев,
С. В. Кравков, А. А. Смирнов/

Письмо было датировано 20 августа 1943 года, а 24 августа Г. М. Маленков наложил резолюцию: т. Александрову. Считаю, что эти предложения надо поддержать. (Философ Г. Ф. Александров в то время возглавлял Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).) Далее на письме следуют еще две записи с неразборчивыми подписями: первая: В Архив. Кандидатура т. Рубинштейна выдвинута в член-корр. АН. 8/IX; и вторая — видимо, о принятии письма: Архив. 10/IX 43 года. Скорость рассмотрения и решения вопроса для сегодняшнего дня невыносимая.

Выдвижению и последующему избранию С. Л. Рубинштейна, несомненно, способствовало присуждение ему в 1942 году Сталинской премии за книгу «Основы общей психологии». Книга была представлена на премию двумя выдающимися мыслителями — геохимиком В. И. Вернадским и физиологом А. А. Ухтомским. Думаю, что признание ими научных заслуг Сергея Леонидовича значило для него не меньше, чем премия и избрание в Академию наук. Обращу внимание на то, что психологи, обратившиеся в ЦК ВКП(б) и до и после этого обращения далеко не во всем были согласны друг с другом и с С. Л. Рубинштейном, но все они, заботясь о судьбе психологии в стране, отложили в сторону свои разногласия. В своем главном жизненном деле они были единомышленны, чего, к сожалению, нельзя сказать о последующих поколениях психологов.

Через год, в 1944 году, С. Л. Рубинштейн был включен в число учредителей Академии педагогических наук РСФСР, а затем стал ее действительным членом.

Авторы письма деликатно умолчали о том, что психология в 1920—1930 годы была в числе «репрессированных» наук (этот термин появился много позже). Были разгромлены педология и психотехника. Но этим дело не кончилось. Репрессии конца 1940-х — на-

⁴ Эта опечатка заслуживает того, чтобы обогатить коллекцию феноменов внимания. Пять профессоров психологии, подписывая далеко не рядовое письмо в главное учреждение страны, не заметили ее в слове, обозначающем их профессию. И это при том, что слово располагалось не в середине текста, а непосредственно над их подписями.

чала 1950-х годов затронули и С. Л. Рубинштейна, его талантливого ученика М. Г. Ярошевского и др. Ни Сталинская премия, ни членство в двух академиях, ни безусловный авторитет, которым пользовался замечательный человек и ученый в научных кругах, не спасли Сергея Леонидовича от гонений во время антисемитской компании 1948–1953 годов, называвшейся борьбой с безродными космополитами. В двух «дискуссиях» по «Основам общей психологии» его называли лжеученым и заметным агентом американского империализма. Он был снят со всех должностей, его труды были запрещены и изъяты из библиотек. В 1954 году С. Л. Рубинштейн был восстановлен в правах и плодотворно работал до своей кончины в 1960.

Сергей Леонидович был поразительно мужественным, человеком, он стойко выносил превратности своей научной судьбы: «Мое все более юмористическое отношение к проработкам, которым я подвергался, к непрерывным “претензиям” и “козням” моих “друзей”. <...> Они не могут также простить мне того, что они меня прорабатывали. Когда-то это вызывало немало горя — не без того (тогда преобладала жестокая ирония)... Эта научная творческая пустота, выступающая из под внешней административной “импозантности”», — писал он в цитированных выше очерках. Он называл такое юмористическое отношение отношением «с позиций силы»: «Рост собственной творческой силы — вот основа, на которой изживалась горечь и крепко добродушие и снисходительность юмора»⁵. С. Л. Рубинштейн, конечно, сознавал, что «здесь не отделаешься одним лишь юмором, поскольку дело было не только во мне, но и в судьбе всей советской науки»⁶.

Печально, но факт, среди «проработчиков» был и один из моих учителей — А. Н. Леонтьев, возглавивший в 1948 году вместо С. Л. Рубинштейна кафедру и отделение психологии в Московском государственном университете. Кто знает, когда он был искренен, то ли подписывая письмо в ЦК ВКП(б), то ли когда публично упрекал С. Л. Рубинштейна в идеологических, а для того времени — смертных грехах? А. Н. Леонтьеву, видимо, пришлось вытеснить из памяти, что С. Л. Рубинштейн выступал официальным оппонентом на защите его докторской диссертации и дал ей высокую оценку.

Вполне философски Сергей Леонидович относился к смерти: «Две есть в жизни прекрасные поры — годы юности и завер-

⁵ Рубинштейн С. Л. История создания книги «Человек и мир» // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки, воспоминания, материалы. К 100-летию со дня рождения. М., 1989. С. 421.

⁶ Там же.

шения жизни. Еще раз — смятение чувства. Великий перелом. Подведение итогов... Завершение — обращение к своему народу и человечеству»⁷. Он действительно был космополитом, но не в сталинско-ждановском, а в подлинном и возвышенном смысле слова, т. е. — Человеком Мира. И далее: «Смерть моя — для других — остающаяся жизнь после моей смерти — есть мое не-бытие. Для меня самого, т. е. для каждого человека, для него самого — смерть — последний акт, завершающий жизнь. Он должен отвечать за свою жизнь и в свою очередь определять ее конечный смысл. Отношение к своей смерти как к своей жизни»⁸.

Осмелюсь предположить, что, хотя и случайно, делом его жизни была все же психология. Побольше бы нам таких пришельцев, но, конечно, не ценой переворотов, подобных Октябрьской революции.

1999, 2009

⁷ Там же. С. 420.

⁸ Там же. С. 415.